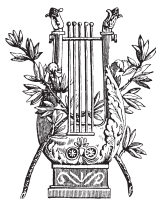

БОЖЕСТВЕННЫЙ ГЛАГОЛ

СОДЕРЖАНИЕ

От автора..... 7

Пушкин. Сюжеты с биографическим уклоном

Сановник и поэт (К истории конфликта Пушкина с графом М. С. Воронцовым).....	10
«Оставляя честь судьбе на произвол...» (Пушкин и Аглая Давыдова).....	39
К истории создания шестой главы «Евгения Онегина».....	51
Неосуществленный замысел Пушкина (Прототипы героев повести о «Влюбленном бесе»)	63
«Подлинны по внутренним основаниям...»	79

Комментируя Пушкина

«С Гомером долго ты беседовал один...».....	106
Рафаэль или Перуджино? (О стихотворении Пушкина «Мадонна»)	121
«Прекрасней волн, небес и бури...» (О стихотворении «Буря»).....	129
Александровская колонна или Александрийский маяк? (Еще раз о пушкинском «Памятнике»)	139
Почему Италия?.....	149
«Зачем ты, грозный аквилон...».....	158
«Не в светлый край, где небо блещет...» (Об одном невоплощенном замысле).....	176
«К убийце гнусному явись...».....	192
Из чего мы бьемся	214

Полемические заметки пушкиниста

«Всё это к моде очень близко...» (Об одной литературоведческой тенденции)	226
Анонимный текст: проблема установления авторства.....	248
«А чара — и не то заставит...» (Цветаевская пушкиниана: взгляд из сегодня).....	261

Сюжеты XX века

Об одном трагическом заблуждении Александра Блока	280
«И только высоко, у Царских Врат...» (Об одном стихотворении Блока)	289
«В изображенье серых глаз ...» (Блоковская тема в «Вечере» и «Четках» Анны Ахматовой).....	297
«Не стращай меня грозной судьбой...»	312
«Это наши проносятся тени...» (Тема Мандельштама в творчестве Ахматовой 1940—1960 годов).....	322
«Он ко мне во Дворец Фонтанный...» (О последнем посвящении «Поэмы без героя»)	344
Первые публикации	351
Указатель имен	353

ОТ АВТОРА

Основу нынешней книги составили работы последних четырех-пяти лет, большинство которых опубликовано в периодической печати или в специальных пушкиноведческих изданиях. Некоторые написаны еще до выхода нашей книги «Пушкин в зеркале мифов» (издательство «Языки славянской культуры», 2006), но не были включены в ее состав из опасения нарушить композиционное единство. Другие, напротив, входили в предыдущую книгу, но публикуются вновь для смысловой связки с позже написанными статьями, часть которых продолжает прежде начатые темы. Так, например, произошло со статьями «Зачем ты грозный аквилон...» и «Почему Италия?», которые являются необходимым, на взгляд автора, смысловым фоном для новой работы «“Не в светлый край, где небо блещет ...” (Об одном невоплощенном пушкинском замысле)». Еще одна из прежде публиковавшихся работ «К убийце гнусному явись...», вызвавшая при появлении в печати полемические отклики коллег, предшествует новой статье «Из чего мы бьемся?», отвечающей на эти отклики.

Первый раздел состоит из работ, имеющих биографический характер: история конфликта с графом М. С. Воронцовым, характер отношений с Аглаей Давыдовой, с сестрами Велио, история создания шестой главы «Евгения Онегина», сюда же входит попытка заново рассмотреть известную проблему биографических «Записок» А. О. Смирновой-Россет.

Статьи и заметки, включенные во второй раздел «Комментируя Пушкина», возникли в результате подготовки к изданию нового собрания сочинений поэта, отличающегося от всех предыдущих хронологическим, а не жанровым принципом расположения его сочинений, — плановой работы Института мировой литературы им. А. М. Горького, сотрудником которого является автор.

Третий раздел составляют работы более общего характера, в которых рассматриваются трактовки некоторых пушкинских произведений и других произведений русской классики, представляющиеся автору сомнительными или неверными.

Завершающий раздел, как и в предыдущей книге, обращен к классике XX века, к некоторым проблемам, связанным с творчеством Александра Блока и Анны Ахматовой. Так, в главах, посвященных творчеству Анны Ахматовой, прослеживаются отношения взаимовлияния и отталкивания с ее выдающимися современниками, каждому из которых посвящена отдельная глава: с Александром Блоком («“В изображенье серых глаз...” Блоковская тема в “Вечере” и “Четках” Анны Ахматовой»), Николаем Недоброво («Не страшай меня грозной судьбой...»), Осипом Мандельштамом («“Это наши проносятся тени...” Тема Мандельштама в творчестве Ахматовой 1940—1960 годов»). Сюда же включена новая работа о «Третьем и Последнем» посвящении «Поэмы без героя».

Курсив в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, всюду наш.

ПУШКИН
СЮЖЕТЫ
С БИОГРАФИЧЕСКИМ
УКЛОНОМ

САНОВНИК И ПОЭТ

(К истории конфликта Пушкина
с графом М. С. Воронцовым)

1

Конфликт Пушкина с графом М. С. Воронцовым в Одессе, окончившийся для поэта исключением из службы и новой ссылкой в село Михайловское Псковской губернии, неоднократно и, казалось бы, всесторонне рассматривался. И все же суть конфликта до сих пор остается невыясненной в полной мере. Об этом свидетельствует, в частности, немалое количество современных публикаций, авторы которых ставят себе целью в той или иной степени оправдать поведение и способ действий Воронцова.

В периодике, например, можно встретить, утверждения такого рода: «историк Владимир Алексеев убедительно опроверг обвинение, звучавшее почти весь двадцатый век в адрес графа Михаила Семеновича Воронцова, якобы притеснявшего Пушкина»¹. Чуть более сдержанно суждение филолога Н. В. Забабуровой (электронная газета), пытающейся оправдать действия Воронцова его ревностью и неподобающим поведением поэта. По ее представлению, Воронцов искренне рассчитывал обрести в Пушкине «послушного и дельного чиновника, готового исправить былые прегрешения достойной службой царю и отечеству»².

¹ «Клеймили графа почем зря. А зря» // Парламентская газета. № 137 (1266). 25 июля 2003.

² Забабурова Н. В. «Могучей страстью очарован...» // Культура (РЭГ). № 4 (34). 24 февраля 2000.

Таких публикаций в периодике сегодня немало, нет никакого смысла останавливаться на них подробно. Можно было бы вообще не обращать на них внимания, но подобного рода утверждения встречаются теперь и в солидных филологических исследованиях на историко-литературные темы. Вот автор одного из них отчитывает Пушкина за гражданскую безответственность и дурное поведение:

«В жизни поэта было по меньшей мере два эпизода, которые так просто не объяснишь; причем если первый из них биографы трактуют до изумления легкомысленно, то второй предпочитают вовсе замалчивать.

Первый — знаменитая саранча, так забавлявшая всегда биографов, о которой все помнят дурацкие стишки неизвестного происхождения (конечно, приписанные Пушкину)³ и будто бы посрамление чванного вельможи Воронцова. А между тем все было совсем не так. В недавно освоенную Новороссию пришла беда, грозившая голодом. При всей своей ласковой надменности, подстрекаемый честолюбием генерал-губернатор был, однако, рачительным хозяином края и мобилизовал все тогда возможное для противостояния нашествию стихии, а в своем “аппарате” призвал *“чиновников-тунеядцев*. В посылке в область бедствия молодого, здорового, скорого на слова и поступки коллежского секретаря для описания происходящего не было ничего оскорбительного и, скажем прямо, даже обременительного. Кроме того, хотя *пушкинское самомнение* уже тогда было весьма высоким (общеизвестные слова: Воронцов “видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое” (13; 103)), все же Пушкин еще не почитал себя гениальнейшим поэтом России. Не осмелившись прямо послушаться, он поехал, с полдороги вернулся, как обычно, надеясь на обаяние ведомой им на дамской половине светской болтовни; на сей раз, впрочем, самонадеянность подвела, — желанная благородность отставки обернулась исключением из службы за *дурное поведение*. Главное в этом эпизоде — острое нежелание хоть что-нибудь сделать *для пользы* лично ему чуждой — пользы около живущих людей, крестьян, общества, *народа*, наконец...»⁴

³ Интересно было бы спросить уважаемого автора, кем «приписанные»? Ни в одном из собраний соч. Пушкина «стишков» про саранчу нет.

⁴ Сквозников В. Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М.: Наследие, 1999. С. 29. «Второй эпизод», обративший на себя внимание уважаемого автора, с Воронцовым никак не связан. Он относится к Болдинской осени 1830 года, во время которой, к возмущению Сквозникова, Пушкин не принял участия в «укреплении и упорядочении карантинных (холерных). — В. Е.». Заметим на это, что прими

Несколько иную, казалось бы, оценку конфликта находим в одной из последних книг известного и весьма уважаемого нами литературоведа и критика. Он принимает как будто бы сторону Пушкина, но ситуация увидена им с позиции Воронцова. Впрочем, судите сами:

«...но вот вам судьба графа Михаила Семеновича Воронцова. Человек, во всех отношениях незаурядный; храбрец, заслуживший первый из трех своих георгиевских крестов еще за несколько лет до Бородина, когда на Кавказе вынес из-под огня раненого товарища; талантливый администратор, благоустроивший Новороссию; да мало ли что еще, включая и то, что раздавал чиновникам свое генерал-губернаторское жалование <...> Достойный, достойнейший господин, — а чем он прежде всего вспоминается нам? “Полу-герой, полу-невежда, к тому ж еще полу-подлец!..” Даже в алупкинском знаменитом дворце Воронцова рядом с парадным его портретом значатся злосчастные строки, — все потому, что (опять нечистый попутал!) в цветущий его край занесло ссыльного поэта, мальчишку, который, изволите видеть, решил, будто стихи его по важней государственной службы, да еще приударил за нестрогой графиней... И вот несомненный героизм Воронцова своеобразно уполовинен, а европейская образованность, приобретенная в Англии, нахально поставлена под сомнение: “полу-невежда”!

Несправедливо? Несправедливо. Но что поделаешь?»⁵

То есть Воронцов по человечески был прав и был «достойным господином», но беда его в том, что «ссыльный поэт, мальчишка», которого «занесло» под его начало (как «занесло», поясним в дальнейшем), оказался гением. И «что поделаешь», гению все принято прощать. А не окажись «мальчишка» гением, — правота Воронцова не подлежала бы сомнению, обсуждать было бы нечего!..

И становится ясно, что в литературе о Пушкине обозначилась сегодня новая тенденция — уничижительная по отношению к поэту и, по меньшей мере, оправдательная по отношению к Воронцову. При

Пушкин «благодетельное предложение уездного предводителя дворянства» — и мы не досчитались бы в его наследии нескольких шедевров, написанных им в ту благословенную осень, а то и вся она могла оказаться столь же бесплодной в творческом отношении, как болдинская осень 1834 года! Зато мы имели бы отличный поступок Пушкина-дворянина. Видимо, В. Д. Сквозников представляет себе творческий процесс в духе наивной утопии Маяковского из поэмы «Хорошо»: «Землю пошатет / попишет стихи...»!

⁵ *Рассадин С. Б.* Русские, или Из дворян в интеллигенты. М.: Книжный сад, 1995. С. 24.

этом деле не обходится, конечно, без критики той трактовки интересующего нас конфликта, которая была принята в советском пушкиноведении.

Что ж, нельзя не согласиться, что на выводах советских исследователей этого вопроса в той или иной мере сказывались идеологические установки времени, не так явно, правда, как при разработке проблемы «Пушкин и декабристы». В то же время нельзя не признать и то, что советскими пушкиноведами был накоплен большой фактический материал (найжены новые документы и письма), проливающий дополнительный свет на историю отношений Пушкина и Воронцова, которым мы никак не вправе пренебречь. Ведь факты остаются фактами при любых идеологических установках!

Приверженцы нового идеологического перекося, судя по всему, исходят из того, что граф Воронцов М. С. (1782—1856) среди именитых сановников своего времени выглядел фигурой незаурядной. Вот, например, его характеристика, содержащаяся в комментариях В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского к известному изданию Дневника Пушкина 1923 года:

«...с 1845 года князь, с 1852 — светлейший, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, один из наиболее выдающихся и заслуженных русских государственных деятелей первой половины XIX века. Сын известного дипломата графа Семена Романовича Воронцова, бывшего в течение многих лет русским послом в Англии (...) в битве под Бородином его дивизия находилась в центре боя и почти целиком была уничтожена при отражении французских атак, а сам он был ранен; оправившись от ран, он вернулся к армии и принял деятельное участие в заграничном походе 1813—14 гг., причем в битве при Краоне 23 февраля 1814 года успешно действовал против самого Наполеона (...) В 1820 г. он был назначен командиром 3-го пехотного корпуса, а в 1823-м Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бесарабии (...) во всех начинаниях Воронцов проявлял широкий государственный ум, трезвость взгляда, энергию и настойчивость, благодаря чему эпоха его управления Новороссией и Кавказом отмечена несомненным подъемом благосостояния этих окраин империи, а население сохранило о нем добрую память, как о просвещенном и благожелательном начальнике»⁶.

⁶ Саводник В. Ф., Сперанский М. Н. Комментарий к Дневнику Пушкина // Дневник А. С. Пушкина. М.: Три века, 1997. С. 487.

Есть, конечно, в этой характеристике и определенное преувеличение заслуг Воронцова, в частности, его успешных действий в битве при Кране во Франции — на самом деле исход боя был предreshен действиями графа П. А. Строганова, который командовал дивизией и лишь в последний момент передал командование Воронцову в связи с гибелью в бою сына⁷. Эпизод этот нашел отражение в черновой строфе главы шестой «Евгения Онегина», не вошедшей в окончательную редакцию романа:

Но плакать и без раны можно
 О друге, если был он мил
 Нас не дразнил неосторожно
 И нашим прихотям служил.
 (Но если Жница роковая
 Окровавленная, слепая,
 В огне, в дыму — в глазах отца
 Сразит залетного птенца!)
 О страх! о горькое мгновенье
 О Ст(роганов) когда твой сын
 Упал сражен, и ты один.
 [Забыл ты] [Славу] <и> сраженье
И предал славе ты чужой
 Успех ободренный тобой.
 (VI, 411—412)⁸.

Есть и другие преувеличения в этом панегирике Воронцову, которые откроются нам чуть позже. Но несмотря на все преувеличения, Воронцов, по-видимому, действительно был незаурядным сановником. И не только сановником, но и военачальником. Приверженцы новой тенденции могли бы привести и строки Жуковского из известной патриотической баллады «Певец во стане русских воинов» (быть может, они кем-то и приводятся, но далеко не всеми!), посвященные Воронцову как герою Бородинского сражения:

⁷ См. об этом: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб., 1998. С. 470.

⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 411—412. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию, при необходимости ссылки даются в тексте, как здесь.

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмерть, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями...

«Одним из энергичнейших и культурнейших администраторов XIX века назвал графа В. В. Вересаев в своей известной книге «Спутники Пушкина»⁹.

А вот к вопросу о том, был ли Воронцов при этом еще и «достойным господином», мы еще вернемся. Ведь в отечественной и мировой истории известно немало примеров, когда человеческие качества выдающихся государственных деятелей оставляли, как говорилось когда-то, желать лучшего.

Пока же напомним кратко этапы и обстоятельства конфликта.

2

Встреча с Воронцовым, во время которой новый генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии объявил о переходе Пушкина под его начало, состоялась 22—23 июля 1823 года, когда поэт уже находился в Одессе. Решение Воронцова, определившее судьбу Пушкина на ближайшие годы, явилось результатом стараний П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, которые в тот момент считали графа просвещенным и достаточно либеральным сановником. Так, примерно за месяц до этого Тургенев сообщал Вяземскому о предпринятых для улучшения положения Пушкина мерах в письме от 15 июня 1823 года:

«О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных сего мира, следовательно и Воронцова, я не хотел говорить ему, а сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Нессельроде утвердил первого, а я посоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано — сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за

⁹ *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина: В 2 т. Т. 2. М.: Сов. спорт, 1993. С. 365.